что создавалось в Европе. Смотрят они и на новое и на прошлое с позиций людей, желающих осознать европейскую жизнь в ее самых различных проявлениях, все стороны государственного устройства, быт, нравы, культуру, искусства, экономику, социальные отношения. С представителями власти и деятелями культуры Запада русские путешественники держатся с чувством собственного достоинства, хотя и не скрывают, что они прибыли изучать и учиться. Сам великий реформатор был для них наглядным примером, как надо держать себя и учиться у западноевропейских народов.

Другое новое качество путевых записок петровского времени заключается в том, что в них с большей отчетливостью, чем это было в древнерусских хождениях, выражены индивидуальные особенности повествователя. В этом отношении показательно сравнительное рассмотрение путевых записок П. А. Толстого и Б. И. Куракина.[13]

На страницах записок П. А. Толстого сам автор выглядит личностью рационалистической, с практическим складом ума. Он экономист, политик, дипломат, знаток мореходного дела и культуры, он тонко судит об искусстве. Это человек энциклопедических знаний. Наряду с этим П. А. Толстой — человек благочестивый, его привлекают христианские святыни, он со знанием дела описывает обряды церковного богослужения в разных странах. Но эти религиозность и благочестивость иного качества, они не мешают ему быть человеком нового мировоззрения, широких взглядов на жизнь. Как деятель и сподвижник реформ, он на все в Европе смотрит с позиций тех преобразований, которые происходили в России. Особенно он питает пристрастие к морскому делу, широко пользуется морскими терминами, хорошо знает техническую оснастку кораблей и практику кораблевождения. Показателен описанный П. А. Толстым случай, когда путешественник, видя, что капитан корабля, на котором он оказался пассажиром, неправильно определил курс, вынужден был взять управление кораблем в свои руки и в тумане, без визуальных ориентиров, приводит корабль к намеченной цели. П. А. Толстой поведал об этом с чувством собственного достоинства, но без тени самолюбования: его рассказ трезв, здрав и объективен.

П. А. Толстой менее всего удивляется, он учится и воспринимает все встречающееся ему критически, как, кстати, и другие авторы путевых записок. Он здраво судит об итальянском искусстве. Восторгаясь итальянской оперой, он замечает, что «комедии в Венеции бывают хуже оперов, однако же зело забавны», «а танцы итальянские не зело стройны». Поэтому никак нельзя согласиться с утверждениями А. Н. Пыпина (а эти утверждения разделялись и другими исследователями), будто бы такие

[13] См.: Г. Е. Гюбиева. Этапы развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 6.